

JASON MOTT

JASON MOTT

THE WONDER
OF ALL THINGS

ДЖЕЙСОН МОТТ

ИЩЕЛЯЮЩАЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М85

Jason Mott

THE WONDER OF ALL THINGS

Copyright © 2013 by Jason Mott.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S. A.

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*

Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Мотт, Джейсон
М85 Исцеляющая / Джейсон Мотт ; [пер. с англ. С. Резник]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-04-088788-0

Однажды, во время авиашоу, происходит трагедия — самолет падает в толпу зрителей. Когда дым рассеивается, спасатели находят тринадцатилетнюю девочку Эву целой и невредимой, а рядом ее друга Уоша с сильным кровотечением.

Девочка накладывает на него руки, и его раны исцеляются.

Это ее странная, мистическая способность, о которой никто не знал до катастрофы. Теперь Эва в центре внимания всей страны — газетчики, журналисты с ТВ, блогеры — все требуют ее внимания. А самое главное — сотни несчастных больных, желающих излечения от Чудо-ребенка, стекаются в ее маленький городок. Но они не знают, что за каждое исцеление она платит невероятную цену, принимая на себя болезни и страдания. Вскоре ей предстоит решить, от чего отказаться ради спасения любимых.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-088788-0

© С. Резник, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

И С Ц Е Л Я Ю Щ А Я

Роман

*Посвящается всем тем, кто помогает
нам преодолеть невероятные трудности.*

НА СЕЙ РАЗ СМЕРТЬ была милосердна.

По крайней мере, так могли бы сказать жители Стоун-Темпла. Стоял конец ноября, и горожане готовились к ранней зиме. В канун осенней ярмарки небо затянуло тяжелые тучи, а это всегда означало, что зима будет суровой. Ярмарка была их способом попрощаться с короткими рукавами, туристическим сезоном, цикадами и яблочным бренди — на крылечке, в лучах закатного солнца.

Гвоздем программы должен был стать Мэтт Купер, обещавший развлечь народ пилотажными трюками. Он был одним из немногих, кто снискал славу, покинув родной край. Стал пилотом передвижного авиашоу и каждый раз, когда выдавалась оказия, прилетал в родной городок на своем маленьком красно-бело-синем биплане, демонстрируя землякам, что их не забыл. Самолетик приземлялся на обширный пустырь, где устраивались все местные праздники и жарились все барбекю. Горожане обожали Мэтта — не столько за его эффектные выступления, сколько за то, что он, в отличие от многих

других, бросавших вызов большому миру, не вернулся домой как побитая собака.

И вот чертово колесо уже торчало над рядами балаганов с аттракционами, павильонами, тележками, где готовились нехитрые сласти, и помостами, на которых проходили соревнования огородников, конкурс на лучший рецепт имбирных пряников и все такое прочее. Здесь собрался весь город, воздух был густ и сладок. Когда день начал клониться к вечеру, Мэтт Купер забрался в кабину самолета и взлетел над землей. Горожане расселись на импровизированных трибунах, а старая силосная башня взяла на себя роль кабины комментаторов. Двое мужчин, поднявшись на нее, объявляли названия пилотажных фигур, которые показывал Мэтт. При этом они то и дело орали о нешуточной опасности, всякий раз именуя Мэтта «парнем из Стоун-Темпла» и «настоящим молодчиной». Народ послушно вытягивал шеи и дружно ахал.

10

Самолетик взмыл вертикально вверх. Пропеллер шинковал воздух, мотор натужно гудел, преодолевая резиново-упругую силу тяжести и вознося пилота прямо в небеса. Казалось, он поднялся высоко-высоко, выше окрестных гор. Толпа внизу, не в силах сдерживаться, выдохнула и бешено зааплодировала, хотя всем было понятно, что Мэтт Купер их не услышит.

Это случилось, как только схлынула волна аплодисментов. Мотор чихнул раз, другой, третий. И вдруг с неба обрушилась полная тишина. Она длилась и длилась. Самолетик был так высоко, что люди не сразу сообразили: он падает. Какое-то мгновение он даже ка-

зался неподвижным, словно далекая, тусклая красная звездочка. Затем тишину разорвал нудный, протяжный звук: лебединая песнь того, кого в Стоун-Темпле считали лучшим из них. Крик человека, падающего вниз.

Разобрать, сколько времени прошло с начала падения биплана до удара о землю, было сложно. Потом кто-то говорил, что все произошло очень быстро. Другим, напротив, казалось, что этот ужас никогда не кончится.

Тем не менее он кончился.

Мэтт Купер погиб, огонь ярко пылал, силосная башня с сидящими на ней комментаторами рухнула. Вокруг, словно опавшие листья, валялись обломки биплана. Людей охватила паника.

Как бы там ни было, фортуна в тот день была к ним действительно благосклонна. Обломки самолета хлестнули по толпе, будто брызги морского прибоя. Кровь и сломанные кости были, но Госпожа Смерть обошла горожан стороной. Люди пересчитывались, пытаясь одновременно потушить пламя, вырывавшееся из нутра силосной башни. По всему выходило, что единственным погибшим оказался Мэтт Купер, умерший, очевидно, в тот самый миг, когда его биплан врезался в башню. Даже комментаторы, торчавшие там, словно аисты в гнезде, непонятно как выжили. Минуты шли за минутами, каждый ждал, что вот-вот начнут находить трупы и объявят, что население Земли уменьшилось на столько-то человек, но ничего подобного не произошло. Тот день стал воистину Днем Чудес.

Поэтому все страшно заволновалось, когда в «кармане», образованном искореженным железом и облом-

ками бетона, под развалинами силосной башни были обнаружены мальчик и девочка. Башня представляла собой сооружение из стальных труб, и когда в нее врезался биплан, там образовались такие вот «карманы». Ребятишек заметил шериф Мейкон Кэмпбелл — темнокожий трудяга лет под тридцать, которому если что и хотелось бы изменить в своей жизни, то совсем немного. Некоторое время дети казались ему лишь неясными тенями. Потом он понял, что девочка — это его дочь Эйва, а мальчик — ее лучший друг Уош.

Шерифа прошиб страх, будто молнией ударило.

— Эйва! — закричал он. — Эйва! Уош! Вы меня слышите?

12

В ответ дочь слабо шевельнула рукой. Она лежала, скрючившись в позе зародыша, неудобно вывернувшись, словно ленточка, наполовину засыпанная обломками. Однако явно была жива.

— Слава богу, — сказал Мейкон. — Все будет хорошо, сейчас я вас вызволю оттуда.

Эйва подняла на него испуганные, заплаканные глаза. Ее губы дрожали, она начала озираться, будто пытаясь сообразить, как же это все случилось. Казалось, мир нарушил какое-то торжественное обещание, которому она прежде верила. А теперь вокруг себя видела только бетон и сталь. Тяжелые, режущие обломки, готовые в любую минуту обрушиться.

— Ты двигаться можешь? — спросил Мейкон.

Она опять пошевелилась. Сначала медленно и неуверенно подняла руку, затем осторожно приподнялась

сама. Ноги были под бетонными обломками, но, повозившись немного, девочка сумела высвободиться.

— Ты только не дергайся там, — предостерег отец.

Он говорил сквозь небольшую узкую щель, куда можно было просунуть руку по плечо, но и только. Чтобы расчистить завал и добраться до детей, требовались время и помощь. Мейкон обернулся к толпе.

— Здесь дети! — закричал он.

Окончательно вытащив ноги, Эйва увидела Уоша. Тот лежал без сознания, полузасыпанный щебнем.

— Уош! — окликнула она, но мальчик не ото-звался; похоже, он не дышал. — Уош! — позвала она снова.

Его лицо было в пыли, на лбу наливалась шишка. Уош был бледным от природы, за что Эйва частенько поддразнивала друга, но теперь бледность была какой-то иной. Он словно бы выцвел, как старая фотография, слишком долго висевшая на свету. А потом она увидела стальной стержень, торчавший у него в боку, и сочащуюся из раны кровь.

— Уош! — во весь голос завопила Эйва и поползла к нему.

— Эйва, не шевелись! — закричал в свою очередь Мейкон, безуспешно стараясь протиснуться в щель. — Дочка, успокойся, тут все того и гляди обвалится.

Но Эйва его не слышала. Не сводя глаз с Уоша, она продолжала пробираться к мальчику. Подползла вплотную и прошептала его имя. Он молчал. Эйва дотронулась до его лица, в надежде ощутить признаки жизни, и склонилась ближе, пытаясь уловить дыхание. Однако

понять что-либо было сложно. Она сама была в ушибах, ссадинах и очень испугана. Каждый ее нерв дрожал, словно струна, и разобрать, дышал Уош или не дышал, никак не получалось.

— Он жив? — спросил Мейкон.

— Я не знаю, — жалобно ответила Эйва. — Но он ранен.

Она потрогала его шею, чтобы нащупать пульс. Однако пальцы так дрожали, что девочка ничего не чувствовала, кроме этой дрожи да гулких ударов собственного сердца.

— Как именно? — поинтересовался Мейкон.

Тут наконец прибыли пожарные. Они с добровольными помощниками начали осматривать завал, прикидывая, как лучше его разобрать и вызволить детей.

Эйва слышала голос отца, отдававшего приказы, и ответы людей. Звучали слова «доски», «стальные стержни», «домкраты», «кран»... Вскоре все это слилось в отдаленный бубнеж. Для Эйвы во всем мире сейчас существовали только рана в боку Уоша и его кровь в пыли.

— Я попытаюсь что-нибудь сделать! — крикнула она, обнимая мальчика за плечи.

— Нет! — закричал Мейкон. — Не дергай его, вообще ничего там не трогай!

Но было уже поздно. Едва она потянула тело, как обломки, придавившие Уоша, разом ухнули куда-то вниз. Железный штырь выскользнул из раны, и кровь хлынула струей.

Мейкон принялся звать на помощь, Эйва зарыдала.

— Прости меня, прости, — снова и снова повторяла она, в ужасе заламывая руки, не зная, за что схватиться, словно разрывалась между желанием помочь и страхом навредить.

— Эйва! Эйва! — продолжал звать Мейкон.

Наконец дочь услышала его.

— Прости, — сказала она.

— Не думай об этом. Просто прижми ладони к ране. Прижми посильнее и постарайся остановить кровь. Просто жми, и все.

Зная, что это бесполезно, шериф опять попытался протиснуться в узкую щель. Без результата.

— Дочка, слышишь меня? Прижми ладошки к его боку и надави, — сказал он.

Эйва словно во сне прижала руки к боку Уоша. Почувствовала пульсацию крови, текущей сквозь пальцы. Тогда она зажмурилась и заплакала. Оставалось лишь надеяться и молиться. В конце концов, Эйве было всего тринадцать. Она не вполне представляла, что такое Бог. И даже не была уверена, что верит в него, но все равно молилась. Сейчас она была готова поверить в кого угодно. Все на свете отдала бы, лишь бы ее лучший друг остался жив.

И тут она почувствовала холод. Руки онемели от плеча до кончиков пальцев, их начало покалывать. Голос отца затерялся где-то вдали. Все звуки отступали, исчезая во тьме, сгущавшейся под закрытыми веками, тьме, сделавшейся такой плотной, как никогда в жизни.

Блуждая в этом мраке, Эйва продолжала звать Уоша. Он стоял там, в самом центре темноты, его бледная